

Обещание не Любить

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Anna Lain

18+

Anna Lain

Обещание не любить

«Автор»

2026

Lain A.

Обещание не любить / А. Lain — «Автор», 2026

Она красива и теперь свободна. Сбежав от тирана папочки, что хотел продать ее дружку, она осталась ни с чем. Ну и пусть, она начнет новую жизнь. Судьба преподнесла подарок в виде мрачного начальника, не беда, справимся. Главное не влюбиться.

© Lain A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Anna Lain

Обещание не любить

Глава 1

Кабинет отца всегда пах так, как пахнет власть: дорогой кожей, старым деревом и чуть-чуть табаком, высохшим в хрустальной пепельнице. Элиана стояла у ковра, который стоил больше, чем её единственная сумка, и смотрела на двух мужчин, решавших её судьбу, словно её здесь вовсе не было. - Дуглас уже всё подготовил, - Сэмюэл говорил ровно, как о биржевом отчёте. - Свадьба через месяц. Контракт подпишешь сегодня. Дуглас улыбнулся. Она слишком хорошо знала эту улыбку - мягкую, влажную, как прибой, который сначала ласкает, а потом затягивает на дно. Он сделал шаг к ней, и Элиана наконец услышала собственный голос. - Нет. - Прости? - Я сказала нет. Не выйду замуж за Дугласа. Не подпишу контракт. Не стану частью вашей сделки. Тишина стала тяжёлой, как мрамор под ногами. Дуглас усмехнулся, поправил запонку - наглый, уверенный, что это каприз, что её сейчас отругают и приведут в чувство. Сэмюэл не спешил. Он медленно откинулся в кресле, и кожа под ним жалобно скрипнула. - Ты понимаешь, что говоришь? - спросил он мягко, почти ласково. - Абсолютно. Я отказываюсь от наследства. От дома. От имени. От всего, что вы собирались использовать, чтобы купить моё послушание. Она сняла кольцо - бабушкино, с мелким бриллиантом, которое ей подарили на совершеннолетие, - и положила на стол. Стук камня о полированное дерево прозвучал громче, чем она ожидала. Дуглас перестал улыбаться. Он был неглуп, но привык, что женщины соглашались. Его лицо сделалось серым, как дешёвая бумага. - Ты шутишь, - сказал он. - У тебя нет ни денег, ни работы, ни связей. Куда ты пойдёшь? Элиана сжала лямку сумки. Внутри - смена белья, паспорт, две заколки и пять тысяч рублей, которые она прятала от себя самой почти год. - Не твоё дело. Сэмюэл поднялся. Он был высоким, и, когда он вставал, тень его падала на неё, как крыло хищной птицы. - Ты дочь моего дома, - сказал он. - Ты обязана мне - за образование, за крышу, за кровь. И ты посмеешь отказаться от всего одним словом? - Вы выставили меня на торги, - Элиана не отводила взгляда. - Это не мой дом. Это клетка с золочёными прутьями. И я выбираю свободу, даже если придётся спать на вокзале. Она почувствовала, как дрожит голос, и заставила себя говорить тише, ровнее. Пусть не думают, что она слабеет. Дуглас дёрнул узел галстука, будто стало нечем дышать. - Элиана, послушай. Твой отец уже объявил о помолвке в деловых кругах. Ты поставишь его в неловкое положение. Это не просто каприз, это... - он развёл руками, подыскивая слово, - безрассудство. - Называй как хочешь. Она повернулась к двери. Сэмюэл окликнул её, и голос его был уже не мягким, а острым, как лезвие. - Если ты выйдешь за эту дверь, ты больше не моя дочь. Ни копейки. Ни имени. Никого. Ты станешь никем. Элиана остановилась. Она смотрела на узор двери - тёмный орех, ручная резьба, семейный герб. Столько раз она проходила под ним, даже не замечая. А ведь это было клеймо, не защита. - Я уже никто для вас, - сказала она, не оборачиваясь. - Просто товар. Но товар может отказаться быть проданным. Она взялась за ручку. Дуглас шагнул было к ней, но Сэмюэл остановил его коротким жестом - жест хозяина, который не станет бежать за собакой, укусившей его за руку. Он позволит ей уйти и все равно потом притащит её обратно, потому что так было всегда. Элиана открыла дверь. В коридоре пахло цветами, которые каждое утро меняла прислуга. Она не оглянулась на отца, не попрощалась с Дугласом. Она просто сделала шаг - и ещё один, и ещё, пока каблуки не застучали по мрамору с той же решимостью, с какой билось её сердце. Коридор тянулся бесконечно, как музейный зал. По стенам висели портреты -

прадеды, тётки, двоюродные генералы. Чужие глаза провожали её с одинаковым выражением: спокойным, холодным, привыкшим к послушанию. Элиана ускорила шаг. На лестнице стояла горничная - имя вылетело из головы, хоть убей. Женщина сжала тряпку в руках и опустила глаза, когда Элиана проходила мимо. Она ждала указаний, привыкла ждать. Элиана не дала ей ничего - ни слова, ни взгляда. Только дробный стук каблуков по мрамору, гулкий под высоким потолком. Хрустальная люстра в холле горела, хотя было утро. Она горела всегда - отец терпеть не мог темноты в публичных местах дома. Парадная лестница, мраморные ступени, ковровая дорожка, прижатая латунными прутьями. В детстве Элиана сбегала по этим ступеням вприпрыжку, распахнув руки, будто летит. Теперь она шагала медленно, церемонно, как по чужой сцене, и каждый шаг отдавался в спине. Швейцар у двери - старый Пётр, тридцать лет на этом посту, - распахнул перед ней тяжёлую створку, не спросив. Он всё знал. Лица в доме всегда знали всё раньше самих хозяев. - Позвать водителя, барышню? - Не нужно. Он помедлил, держа створку, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость. Элиана прошла мимо, не оглядываясь. Дверь за ней закрылась с мягким, дорогим щелчком. Воздух снаружи был влажным, прохладным, пах мокрой листвой и автомобильным выхлопом. Подъездная аллея, посыпанная гравием. Четыре чёрные машины отца - все с водителями, все наготове. Ни одна не принадлежала ей. Она всегда думала, что когда-нибудь выйдет из этого дома сама, сядет в собственную машину, с ярким блеском на кузове, и уедет. Выходит, ей суждено было уйти пешком. Ворота были высокие, кованые, с острыми пиками, вскинутыми к небу, как копья. Элиана толкнула калитку - та не была заперта. Для неё не запирали, ведь она никогда не пыталась уйти по-настоящему. Странно, как легко открывается дверь, которую весь дом считал вечной. Она вышла на улицу. Сзади - ни шагов, ни окрика. Сэмюэл не побежал за ней. Он был из породы тех, кто ждёт, пока блудный ребёнок сам вернётся. Ждёт, пока деньги кончатся, пока страх застучит под рёбрами, пока гордость станет слишком тяжёлой для худых плеч. Элиана сжала лямку сумки. Пять тысяч рублей. Паспорт. Две заколки. Смена белья. Вот и всё её приданое. Она не умела делать ничего - ни печатать, ни варить кофе, ни считать чужие деньги. Частные школы, репетиторы по французскому и фортепиано, уроки верховой езды. Ни одна из этих наук не платила за крышу над головой. Она остановилась на углу. Город шумел - привычно, равнодушно. Люди шли по своим делам, не замечая её. Никто не знал, кто она. И никто не должен был узнать. Элиана вытащила из сумки расчёску, провела по волосам, поправила воротник пальто. Потом убрала расчёску, расправила плечи - и пошла. Она не знала, куда идёт. Это было страшнее, чем ярость отца, страшнее, чем липкая улыбка Дугласа. Но за углом ждал мир, в котором она никогда не была по-настоящему, и сердце стучало быстрее - не от страха. От чего-то нового, ещё без названия. Мимо витрины кондитерской, из которой тянуло тёплым сахаром. В детстве мать покупала ей здесь пирожные по субботам. Элиана замедлила шаг, и пальцы сами потянулись к сумке. Пять тысяч рублей - это не радость. Это ночлег. Еда. Возможность дожить до первой зарплаты. Она прошла мимо, не оборачиваясь. Асфальт вился между домами, витрины мигали рекламой, деревья шумели неровно, по-городскому. Элиана шла, и с каждым кварталом дом за спиной становился меньше, слабее, неважнее. Она не позволяла себе оглянуться. Если оглянешься - увидишь башни, мокрую черепицу, знакомую крышу, под которой остались и детство, и мамины письма, и клетка с золочёными прутьями. Одна часть её навсегда останется там, в запертых комнатах. Но другая - та, что шагала сейчас по чужому тротуару, сжимая лямку дешёвой сумки, - смотрела только вперёд. Дышать было легко. Впервые за долгое-долгое время.

Через три дня она работала в кофейне у вокзала.

Название она забыла через минуту после того, как хозяин - толстый, с потными висками и золотым зубом - продиктовал ей график. Платили четыреста рублей в час. Чайные чашки жирно блестели под жёлтым светом, пар от кофе запотевал окна, и с утра до вечера в ушах стоял звон посуды и гул голосов.

Элиана носила поднос, записывала заказы, улыбалась, когда хотелось молчать. Руки пахли кофейной гущей и хлоркой. К концу смены ныла поясница, а пальцы, непривычные к грубой работе, покрылись трещинами.

Она не жаловалась. Жаловаться было некогда и некому.

В первый вечер, лёжа на раскладушке в комнате, которую снимала за полторы тысячи в сутки у старухи с седьмого этажа, она смотрела в потолок и думала: сколько ещё таких дней? Денег хватало ровно на еду и ночлег. Ни на что другое - ни на новую обувь, когда каблук развалился, ни на нормальную одежду, чтобы не ходить в одной и той же блузке третью неделю.

Временная работа - это не жизнь. Это пауза между падениями.

На пятый день, вытирая стойку, она увидела объявление у кассы. Мелкий шрифт, криво приклеенный скотчем: "Требуется секретарь. Зарплата по итогам собеседования. Навыки не обязательны."

Элиана замерла с тряпкой в руке.

Навыки не обязательны. Это означало, что нужен кто-то, кто умеет молчать, слушаться и не задавать вопросов. Или кто-то, кого будут проверять на прочность. Или просто - кто-то, кто согласится на любые условия.

Она переписала адрес на салфетку. Офис в деловом центре, на тринадцатом этаже.

В ту ночь она не спала. Лежала на раскладушке, слушала, как за стенкой кашляет старуха, и смотрела на салфетку, прижатую пальцем к подушке. Секретарь. Она не умела печатать, не знала, как отвечать на звонки, и ни разу в жизни не держала в руках офисную папку. Всё, что у неё было, - это осанка, выправленная годами балетного класса, и умение держать лицо, когда хочется кричать.

Но этого могло хватить.

Утром она надела ту же блузку - другую неоткуда было взять - застирала пятно от кофе, пригладила волосы мокрой расчёской и вышла на улицу. Дождь моросил мелко, противно, оседал на ресницах, тек за воротник. Она шла быстро, дышала ровно, сжимая в кармане салфетку с адресом. Временная работа кончилась. Начиналось что-то другое.

Она не знала, что именно. Но знала одно: назад дороги нет.

Здание делового центра поднималось к небу стеклянной стеной, отражая серые облака. Элиана вошла в холл - мрамор, охрана, стойка ресепшена, табличка с названием компании. Она не прочитала её. Имя не имело значения. Важно было только то, что за дверью на тринадцатом этаже её ждала работа, которой она не умела делать, и человек, который мог вышвырнуть её в ту же минуту.

Лифт открылся. Она шагнула внутрь, нажала кнопку, и двери закрылись, отрезая её от улицы, от прошлого, от всего, что было вчера.

В кабине пахло пластиком и дорогим парфюмом. Элиана выпрямила спину, поправила воротник, заставила себя не смотреть в зеркало - боялась увидеть ту, что не выдержит.

Лифт дрогнул и остановился. Двери разъехались.

Тринадцатый этаж встретил её тишиной и приглушённым светом.

Она ступила на ковролин, и каблук на секунду увяз в ворсе - дорогим, толстым, глушащем шаги. Тишина здесь стояла обложечная, как в библиотеке, только пахло кожей и кофе, а не пылью и типографской краской.

Слева за стеклянной перегородкой сидела секретарша - точно такая, какими Элиана представляла всех секретарш: маникюр, идеальная стрелка на глазах, улыбка, покрытая лаком, как ногти.

- Вы на собеседование? - спросила секретарша, не поднимая глаз.

- Да.

Взгляд скользнул по Элиане - по стёртым туфлям, по старой юбке, по дешёвому плащу, который она так и не сняла, потому что под ним не было ничего лучше.

- Присядьте. Вас позовут.

Элиана присела на край дивана из чёрной кожи. Спина прямая, как в балетном классе. Руки сложены на коленях - пальцы сухие, в мелких трещинах. Она не смотрела по сторонам, не трогала глянцевые журналы на столике, не пила воду из хрустального графина. Просто ждала, глядя на дверь в конце приёмной - тяжёлую, дубовую, с латунной ручкой, отполированной чужими ладонями.

Через пять минут дверь открылась. Из неё вышел мужчина - дорогой костюм, дорогой парфюм, взгляд быстрый, как у хищника. Прошёл мимо, не глядя на неё, бросил секретарше:

- Следующую через десять минут.

И исчез в коридоре.

Элиана сжала пальцы. Десять минут. Она не знала, кто он - хозяин, заместитель, охранник. Но голос - низкий, спокойный, с металлом - прозвучал как приговор, вынесенный ещё до того, как её увидели.

Секретарша посмотрела на часы, потом на Элиану.

- Проходите. Он вас ждёт.

Элиана встала. Кожаный диван тихо выдохнул за её спиной. Она сделала шаг к дубовой двери, остановилась, поправила воротник блузки, хотя он не сбил. Навыки не обязательны. Значит, нужно было только то, что она умела, - держать лицо, когда внутри всё дрожит.

Она толкнула дверь.

Кабинет был огромным. Половину стены занимало окно - от пола до потолка, серое небо за стеклом, дождь, ползущий по мраморному подоконнику. Пол устилал ковёр цвета тёмной крови - такой толстый, что в нём тонули шаги. На столе не было ни одной бумаги: только компьютер, блокнот и ручка. За столом, спиной к окну, сидел мужчина.

Он не поднял головы. Смотрел в монитор, набирал что-то, не глядя на клавиши. Пальцы длинные, спокойные. На запястье - тяжёлые часы с чёрным циферблатом. Ни кольца. Ничего лишнего.

Элиана остановилась у двери. Секунда прошла. Другая.

- Садитесь, - сказал он, не отрываясь от экрана.

Голос был тот же, что в приёмной. Низкий, ровный. Без интонации.

Она не села.

Он поднял глаза - и в них не было ничего: ни интереса, ни усталости, ни злости. Только серый холод, как небо за окном.

- Я сказал: садитесь.

- Я слышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.